

Что не так?

Участники круглого стола НАУФОР обсуждают причины замедления роста российской экономики

Применительно к российской экономике все чаще стали звучать слова «замедление» и даже «рецессия». Восстановительные послекризисные темпы роста — в прошлом. На майском заседании правительства констатировалось хроническое (пять кварталов подряд) замедление темпов роста. Такие речи звучат не только среди чиновников.

Участники: Александр Абрамов, профессор кафедры фондового рынка и рынка инвестиций НИУ ВШЭ; Алексей Ведев, директор Центра структурных исследований Института экономической политики имени Гайдара; Алексей Девятов, главный экономист «Уралсиба»; Николай Кашцев, руководитель аналитического департамента «Промсвязьбанка»; модератор — Ирина Слюсарева.

Ирина Слюсарева. В начале апреля Министерство экономического развития понизило прогноз по росту ВВП РФ на 2013 год до 2,4% с ранее ожидавшихся 3,6%. Чуть позже ведомство понизило прогноз — с 4,3 до 3,7%. В любом случае, темпы роста экономики России замедляются. Каковы причины? **Алексей Девятов.** На мой взгляд, основная причина — все-таки замедление роста мировой эконо-

мики, рецессия в Европе, слабый рост в США. Если посмотрим на то, что происходит с компонентами ВВП, мы увидим, что происходит проседание в секторе экспорта: прежде всего это газ и отчасти нефть. Другая существенная компонента, которая замедлилась до нуля, это инвестиции в основной капитал. И это опять же связано с возникшей неопределенностью как в мировой экономике, так и у нас. Торможение инвестиций влияет на темпы роста промышленного производства. В начале этого года сократился объем именно высокотехнологичных секторов — это машиностроение, производство транспортных средств и ряд других, которые тесно связаны с инвестициями. Поэтому, на мой взгляд, причины замедления все-таки, прежде всего, внешние.

Есть также внутренняя причина, которую довольно часто упоминают: высокие процентные

ставки и достаточно жесткая денежная политика. Мне думается, это отчасти тоже справедливо.

Других значимых причин торможения, по крайней мере, на поверхности, на мой взгляд, не видно.

Александр Абрамов. Министр экономического развития Андрей Белоусов недавно публично сказал, что причины медленного роста в основном все-таки внутренние. Я бы прислушался к этому мнению.

Потому что внешние факторы от нас не зависят, а на внутренние мы можем повлиять.

Если посмотреть на набор институтов развития, то все, что может предложить мировая практика, в России давно создано. Если взять инструментарий экономического развития, то здесь тоже нет ничего нового, что мы еще не применяли.

Не думаю также, что снижение ставок — большой резерв для экономического роста.

Давайте посмотрим на поток ключевых событий и решений, влияющих на экономический рост, в новостях СМИ, скажем, за квартал. Мы увидим, что деятельность правительства и Банка России в целом формирует позитивные ожидания экономического роста: создаются дорожные карты по упрощению условий ведения бизнеса, совершенствуется инфраструктура фондового рынка, обсуждаются меры количественного смягчения, финансирования инфраструктуры, повышения надежности финансовой системы, приватизации, предлагается амнистия предпринимателей. Усилия силового блока приносят совсем другие новости — избирательное правосудие,

преследование предпринимателей по не всегда понятным поводам, подавление гражданского общества, проверки НКО, дело Магнитского, проверки Сколково и т.п. Неоднозначные процессы идут в регионах: все меньше становится регионов-доноров, многие дорожные карты Агентства стратегических инициатив там не реализуются. На мой взгляд, треугольник исполнительной власти: правительство — силовой блок — регионы — не работает синхронно. Нет единых приоритетов в их действиях. Несогласованность в этом треугольнике создает у инвесторов отрицательный вид на Россию, а у предпринимателей — состояние неопределенности, мешающей инвестициям и росту.

Алексей Ведыев. Согласен с Александром. Никаким боком нас, конечно, американские темпы роста не касаются.

Первая причина, на мой взгляд, — это вообще модель роста, действующая в России с 2005 года, которую мы описали еще в Стратегии 2020. Мысли относительно содержания модели роста, содержащиеся этой стратегией, так и не были услышаны. Экономика растет за счет расширения внутреннего спроса. Все источники расширения спроса к середине 2012 года себя исчерпали. Первое — экспорт не растет. Высокие цены на нефть не позволяют нам падать, но поскольку они высокие, но не растущие, то и внутренний спрос не расширяется

Второе — это стагнация доходов населения. И третье — это постепенное снижение темпов роста потребительского кредитования. По моим оценкам, экономический рост в 2012 год был «вытащен» за счет потребительского кредитования, которое росло фантастическими темпами (выше 40%). Порядка 1,3–1,4% роста ВВП было достигнуто именно за счет потребительского кредитования и в целом частного потребления. Однако сейчас ситуация в области потребкредитования фактически патовая, поскольку дальнейшее

его расширение связано с ухудшением качества заемщиков и увеличением рисков.

Таким образом, никаких источников расширения внутреннего спроса для поддержки действующей модели не просматривается. Я еще в декабре, когда, согласно оценкам МЭР, была возможность расти фактически на 3,5%, говорил, что за 3% роста мы должны побороться. Сейчас же МЭР не собирается бороться и за 3, дай бы бог достичь 2,5%. Я пока не верю, что мы двигаемся к рецессии, и думаю, что рост ВВП составит 2,5%, а промышленного производства 0,5-1,5% ВВП. Если же цена на Urals упадет в район 80 долларов за баррель, тогда темпы экономического роста могут войти в красную зону. Я имею в виду отрицательные темпы роста.

Николай Кашеев. Тут настолько комплексный вопрос. Поскольку я люблю на основе каждого факта делать глобальные стратегические обобщения, то могу сказать следующее.

Глобальная парадигма экономического роста на сегодня не определена. Попытки реанимировать предыдущую парадигму кредитного расширения не могут быть длительно успешными, потому что нельзя дважды войти в одну реку. С 80-х до середины нулевых годов Америка шла к тому, чтобы эта парадигма достигла своего логического апогея и начала разваливаться. Теперь точки развала можно достичь гораздо быстрее, потому что уровень левериджа уже и так достаточно высок.

Идеи о том, на чем сейчас можно расти, по крайней мере, с точки зрения инвестиционного сообщества, нет. Отсюда колоссальный аппетит к рискованным инструментам и одновременно с этим наличие колоссальных свободных средств у банков, в том числе у тех же самых американских, — тех, что еще вчера были локомотивами мирового кредитного процесса. У JP Morgan отношение кредитов к депозитам такое, которое не снилось ни одному нашему банку: 67%.

То есть накапливается избыточная ликвидность при одновременном аппетите к высокорискованным бумагам, например, к таким замечательным инструментам, как корпоративные облигации украинских эмитентов, что меня просто поражает при общем взгляде на экономику этой страны.

Россия не проактивна в этой системе. Идеи глобального роста нет. Ближе всего к определению каких-то новых путей дальнейшего развития находится, естественно, Америка — страна, в которой идет самая свободная и самая компетентная дискуссия по экономическим вопросам. И в этой дискуссии делаются какие-то выводы, которые граждане Америки в конечном итоге умеют воплощать в жизнь.

Идеи Китая, второго по интересам экономического блока (к нему уже подтянулась целая Азия) практически уже ничего нового собой не являют. Остаточные возможности своей модели экстенсивного роста они используют до конца и пока ничего другого не придумали. Кроме возможности смягчения денежной политики, — но китайцы уж если смягчают, то дают настолько, что потом затормозить не могут. По некоторым оценкам, их реальный рост ВВП (если отбросить всякие фокусы торговли между Гонконгом и mainland) составляет порядка 5,5% вместо декларируемых 8. Думаю, никто точно этой цифры не знает.

Россия, повторю, совершенно не проактивна в этой ситуации. Она находится в сферическом вакууме, плывет по течению, копирует, как может, какие-то находки, которые появляются на Западе. А умеет она это очень плохо, потому что наши институты работают на троечку с минусом или того хуже.

Я думаю, что, конечно, есть комбинация внешних и внутренних причин, причем значительно более глобальных, чем просто стагнация рынка нефти или перспектива дальнейшего падения ее цены. Настроение в бизнес-кругах

печальное. Во-первых, все видят, что завершен цикл, который нам предсказывал «Голдман Сакс», — 11 лет роста нефти, переинвестиции в нефтяной сектор и снижение цены как результат этих переинвестиций. Во-вторых, на невысоком уровне находится доверие к российской власти — с ее противоречивыми, непоследовательными, временами потрясающе некомпетентными действиями. А также совершенно неуместным в текущей ситуации политиканством.

В текущей ситуации первое, о чем нужно заботиться, — экономика. Причем перестройка экономики должна быть направлена не столько на темпы роста, сколько на коррекцию структуры. Конечно, от слова «реформы» уже тошнит, но поскольку экономика не развивается в вакууме, а происходит на поле общественных отношений, то без изменения нашего общества, его институтов на серьезный стратегический рост мы рассчитывать не можем.

Конечно, можно попытаться что-то сделать, чтобы ускорить рост. Например, понизить ставку до 0,25%, наплевав на все. Можно напечатать денег, как сделал это в свое время господин Лукашенко, и распределять кредиты примерно таким же образом, благо госкорпораций у нас хватает. В случае с Белоруссией мы в результате имеем девальвацию ее национальной валюты, белорусского рубля, абсолютное недоверие к банковской системе, ставки по кредитам для физических лиц в районе 50%. И стабилизацию за счет внешнего донора, которого у нас, в отличие от Белоруссии, просто нет.

То есть можно применить такие чрезвычайные способы. Но мне кажется, что теперь, когда весь мир бьется над вопросом, какая экономическая парадигма будет нас вести дальше, России тоже нужно решить подобный частный вопрос. Вопрос таков: за счет чего мы будем расти? какие у нас имеются ресурсы для роста? Не вижу четкого

ответа на этот вопрос на сегодня вовсе. Конечно, есть надежда, что когда США сотоварищи найдут наконец механизм для глобального роста, то мы к ним прицепимся. Но нет ощущения, что они уже нашли искомое. Скорее всего, Америка и вообще развитые страны будут расти на тех принципах, которые мы сегодня — с имеющимися институтами — просто не можем воплотить. Мы можем копировать прекрасные законы, например, о проспекте эмиссии, и даже трастовое законодательство у нас может получиться, но это не гарантирует движения вперед по инновационному пути. Инновационное развитие возникает из специального бульона, который, в том числе, включает в себя общественные отношения.

Поэтому российские вопросы намного тяжелее, и на сегодня мы выглядим просто декадентски. Европа сталкивается со своими собственными проблемами экономического характера, но там хотя бы идет живая дискуссия и имеются более-менее работающие институты, включая бюрократов Евросоюза.

Таким образом, если США являются локомотивом мировой экономики в теоретическом, идеологическом смысле, в области технологий, применения инвестиций; если Китай еще имеет какие-то ресурсы для экстенсивного развития, то у нас нет ни того, ни другого, ни третьего.

Ирина Слюсарева. Еще в 2008 году говорилось, что этот кризис не похож на другие, потому что он концептуально иной, — произошел резкий слом парадигмы. Наиболее мрачные прогнозы предвещали даже конец капитализма. **Николай Кашцев.** Это наши любимые перегибы — пусть будет плохо, но лишь бы у соседа корова сохла. Этот кризис сродни двум изменениям, которые существуют в нашей памяти. Первое — это Великая депрессия, абсолютно концептуальный кризис, когда приказал долго жить золотой стандарт и появилось кейнсианство. Все это закончилось

войной, которая, в конце концов, все это вытянула.

Второе изменение случилось в 70-е годы: это конец Бреттон-Вудса, появление плавающих валют, отвязка от золота. Плюс к этому появление первых компьютерных процессоров, которые сделали глобализацию.

Сейчас мы примерно в такой же точке по значимости. Одним делевереджем здесь не отделаешься. Нужно что-то большее, чтобы пройти через этот мутный период, через темные времена, когда нет точной идеи о том, как мы будем расти и куда в экономическом смысле двигаться.

О вот этой концептуальной стороне вопроса в России не думают совершенно. Мы занимаемся своими проблемами, но даже ими занимаемся на троечку с минусом.

Александр Абрамов. Я понимаю ситуацию так. Была Стратегия-2020, где содержались идеи российских экономистов относительно того, что можно сделать для экономического роста. Какие же идеи экономического роста были там заложены, в моем понимании?

Первое — улучшение предпринимательского и инвестиционного климата. Эта цель должна быть приоритетом в деятельности исполнительной власти.

Второе — это бюджетный маневр, когда резко возрастает доля расходов на здравоохранение, образование и так далее, что тянет экономику.

Третье — макроэкономическая стабильность, надежность банковской системы, рассчитанная на то, что стабильным банкам будет легче найти ресурсы для кредитования.

И последнее — это ставка на средний класс как на слой, который должен быть мотором модернизации.

Документ был положен под сукно. Все более ясно прорисовывается иная модель роста, которую власть берет на вооружение. Она опирается на социальную стабильность для электорального большинства и не рассматривает сред-

ний класс как опору для экономических реформ. Инвестиционный климат не является ключевым приоритетом для исполнительной власти; не менее важны для нее задачи формирования управляемого гражданского общества, исключения влияния извне, лояльность крупного бизнеса и другие, часто противоположные инвестклимату, цели. Предполагается, что, усмирив гражданское общество, сильная власть и ее сторонники сумеют провести модернизацию. Для этого во властной пирамиде формируется система «кнута и пряника» для повышения управляемости элит. Основным инструментарием поддержания экономического роста являются централизованные средства для финансирования инфраструктуры, инноваций в ВПК и других крупных экономических проектов.

Мне все больше кажется, что власть в России пытается реализовать сингапурскую модель развития, где просвещенная элита, которой не мешают гражданское общество, сумела стать эффективной и реализовать крупные проекты, превратившие эту страну в глобального лидера в сфере экономического роста, инноваций и социальной стабильности.

Но не думаю, что данная модель сможет успешно реализоваться в России. В Сингапуре живет всего 5 миллионов граждан, для такого количества людей не так сложно сформировать эффективную администрацию. А в России, если взять все уровни власти, только чиновников насчитается 5 миллионов. Управлять ими в ручном режиме невозможно, так же как и заставить эту массу работать синхронно на исполнение единой цели и задач. Здесь требуются иные механизмы управления. Кроме того, успех Сингапура является уникальным в своем роде. Наряду с ним необходимо помнить ту цену, которую заплатили другие страны, где сильные управленцы в отрыве от демократических институтов в новейшей истории пытались

решить те же проблемы — Чили начала 80-х, Аргентина в конце 70-х, Уругвай, Иран, Греция и т.п.

То есть в реальности мы видим совершенно другую модель роста, нежели та, что была изложена в Стратегии. Она ни с кем не обсуждалась, не проходила никакой экспертизы. Не знаю, насколько она будет работать на ускорение экономического роста, но боюсь, она очень серьезно поменяет модель нашего общества.

Николай Кашцев. Все содержание Стратегии 2020 свели к 20 тезисам. Поскольку магия цифр велика, то я просто зачитаю первый тезис из этих 20. «Радикальное наращивание инновационной активности в государственном секторе экономики, в компаниях с государственным участием, государственных корпорациях, в том числе через принятие и реализацию ими программ инновационного развития».

А вот пункт 19, «Политика»: «Радикальное повышение выработки и реализации правительством Российской Федерации инновационной политики, в том числе четкое распределение между координирующими и федеральными органами исполнительной власти». Мы вот так собираемся расти.

Алексей Ведев. Не знаю, на что вы ссылаетесь. На самом деле Стратегия была сдана 1 декабря 2011 года. После этого неизвестно, кто и какие тезисы писал.

Еще несколько слов о модели роста. Сложилась устойчивая модель роста, которая начала действовать в России в 2005 году, и, собственно говоря, весь восстановительный рост осуществлялся в рамках этой модели. Это модель роста, основанная на расширении внутреннего спроса. В этой модели два ключевых вопроса: за счет чего расширять этот внутренний спрос и что происходит, если он расширяется. Внутренний спрос покрывается за счет четырех составляющих: физический объем внутреннего производства, физический объем импорта, цены на внутренние товары и цены на импорт.

В Стратегии 2020 мы показали, что на самом деле структура покрытия конечного спроса очень неустойчивая и сводится к тому, что только один рубль из пяти покрывается за счет расширения физических объемов внутреннего производства.

Когда идет дискуссия о смягчении денежной политики, это дискуссия о том, за счет чего можно расширить внутренний спрос. В Стратегии 2020 мы пытались сказать о том, что цена российского бизнес-климата определяется тем, что только 20% из 100 покрывается за счет роста внутреннего производства, а остальное — за счет инфляции и импорта. Это — цена вопроса институциональных ограничений.

Более того, мы посчитали, как выглядит аналогичная ситуация в Китае и в Америке: там отклик внутреннего производителя ровно в два раза выше. То есть на самом деле любая попытка количественного смягчения в Америке ровно в два раза эффективнее, чем в России.

Николай Кашцев. Естественно. Достаточно посмотреть на банковский мультипликатор.

Алексей Ведев. В Стратегии 2020 мы показали, что на самом деле структура покрытия конечного спроса очень неустойчивая и сводится к тому, что только один рубль из пяти покрывается за счет расширения физических объемов внутреннего производства.

Николай Кашцев. А за счет чего будет расти внутренний спрос?

Алексей Ведев. Это второй вопрос.

Николай Кашцев. Нет, это первый вопрос. Для чего курица будет нести яйца?

У России вроде бы есть демографические проблемы.

Алексей Ведев. У нас есть ножницы конкурентоспособности, предполагающие высокие издержки на труд на фоне слабых институтов. Но долгосрочный прогноз Минэкономразвития в качестве основного источника роста до 2030 года рассматривает банковские кредиты и внешнее финансирование, причем

приток иностранных денег ожидается от 100 до 400 млрд долларов в год.

Николай Кашцев. Соединенные Штаты зашли в тупик с кредитной парадигмой, которая в 2008 году приказала долго жить по простой причине — отсутствие роста доходов большинства населения на протяжении длительного времени вызвало дальнейшую невозможность расширения внутреннего спроса и, следовательно, роста американской экономики. Именно с помощью кредита эта проблема была решена. Проблема роста, но не проблема доходов!

А расслоение продолжается, доходы людей продолжают стагнировать. Но при этом у американцев есть понятие net worth, или wealth — домохозяйства могут покрывать часть своих проблем за счет финансовых и прочих активов. У наших граждан этой возможности нет. За счет чего будет расти внутренний спрос, если мы на секунду себе представим, что кредитная парадигма себя исчерпала? У нас она, вообще говоря, быстро привела к тому, что некоторые банки под 60 и 70% годовых выдавали кредиты на кофеварки. Чудесное, безрисковое обеспечение внутреннего спроса! И это произошло при уровне кредитов населению чуть больше 10% ВВП. А что же будет, когда мы забьем туда 20% ВВП, например.

Алексей Ведев. Программа 2030 — это официальный правительственный документ, подписанный Медведевым и Путиным. Я его и обсуждаю.

Ирина Слюсарева. Маленькое замечание насчет сингапурской модели. В книге Ли Куан Ю есть такой момент. Когда в Сингапур приехал Дэн Сяопин и посмотрел, каким образом они растут, то он сказал Ли: «Тебе хорошо, у тебя маленький Сингапур, но у меня-то — целый Китай».

То есть сингапурская модель — это такая вещь, где размер имеет принципиальное значение. Она не масштабируется, не переносится в большую экономику.